

Е 12
580 "лр"

Тское

Зеркальцо

ДѢТСКОЕ ЗЕРКАЛЬЦО.

СОБРАНІЕ

ДѢТСКИХЪ РАЗСКАЗОВЪ

И

ПОВѢСТЕЙ

СЪ ШЕСТЬЮ ХРОМОЛИТОГРАФИЧЕСКИМИ РИСУНКАМИ.

СОЧИНЕНІЕ

М. Евстигнѣева.

МОСКВА.

Типографія Указателя «Фрунзъ», у Красныхъ вор., д. Адагурова.
1878.

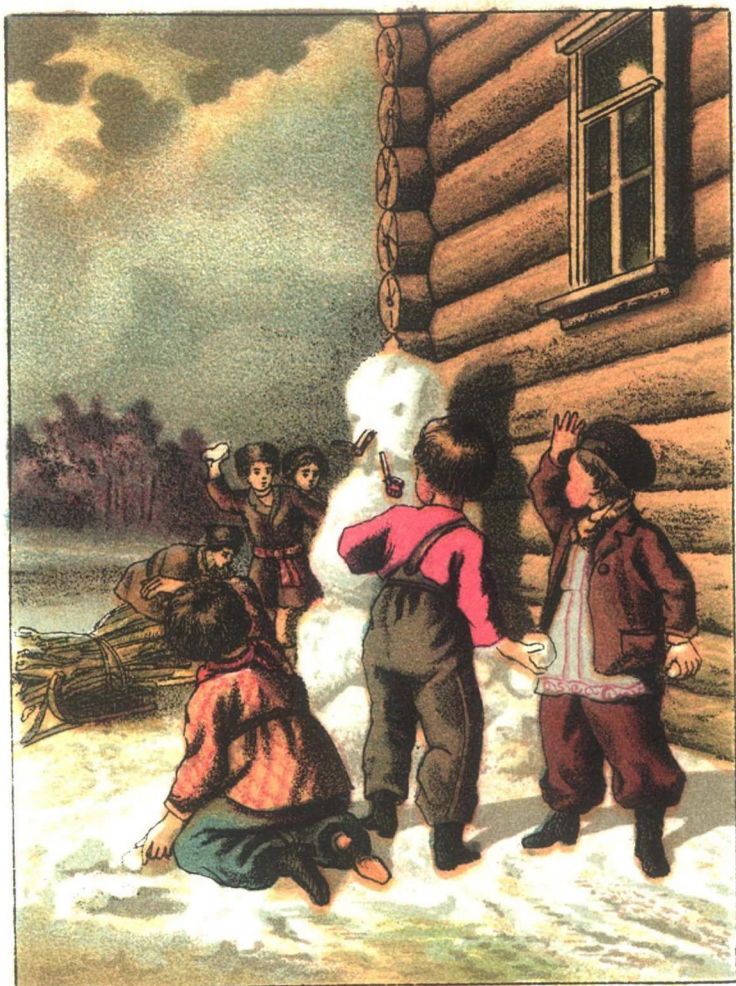
Дозволено цензурою. Москва, 26 Ноября 1877 г.

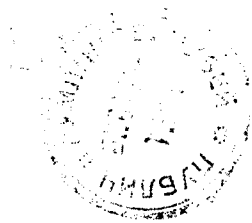
13785-0

2007338127

4/6000

ДѢТСКАЯ НЕОСТОРОЖНОСТЬ.

ЗЛОЙ ГРИША.

Зима имѣетъ свою прелесть, любезныя дѣти! Въ самомъ дѣлѣ, не правда-ли какъ хорошо встрѣтить матушку зиму послѣ жаркаго лѣта и сырой осени. Но пріятно ее встрѣтить только тому, кто можетъ жить въ хорошо отопленныхъ покояхъ, кто можетъ ходить въ теплой шубкѣ или въ пальто съ хорошенькимъ воротничкомъ и въ теплой шапочкѣ. Но, увы! съ трепетомъ и замираніемъ сердца встрѣчаютъ бѣдняки зиму въ своемъ холодномъ одѣяніи, и въ не топленномъ углу сидятъ, вздрагивая отъ холода.

Трудна зима для бѣдняка, а потому, дѣти, ихъ всегда нужно жалѣть и помогать, по силѣ и средствамъ.

Однако не для однихъ бѣдняковъ зима опасна; она опасна для всѣхъ неосторожныхъ.

Конечно понятно будетъ для васъ дѣти, чѣмъ опасна зима. Въ это время можно легко подвергнуться простудѣ и захворать самымъ опаснымъ образомъ и даже получить смерть.

Но согласятся ли съ этимъ наши маленькія конькобѣжцы — не знаемъ, но вотъ примѣръ.

Вася, Володя и Миша, дѣти одного изъ Калужскихъ ремесленниковъ, уловивъ свободный часъ, когда родителямъ было недосугъ, выбѣжали въ чемъ попало на дворъ въ самый трескучій морозъ и принялись скатывать изъ снѣгу глыбы. Мягкій нѣжный снѣгъ легко принималъ требуемый видъ и не прошло двухъ часовъ, какъ у дома былъ воздвигнутъ снѣжный столбъ съ слабымъ очертаніемъ фигуры человѣка.

Затѣйливые ребяташки, чтобы лучше придать снѣжной фигурѣ человѣческое подобіе, проткнули глаза, вмѣсто носа вставили кусокъ дерева и въ ротъ вставили отцовскую трубку съ чубукомъ.

Въ этомъ занятіи дѣти отлично согрѣлись и даже у Володи падалъ крупный потъ съ лица.

Всѣ любовались своимъ художественнымъ произведеніемъ и такъ какъ они начали нѣсколько прозябать, то незамѣдлили бы и удалиться домой, еслибы только на ихъ бѣду, не показались изъ за Оки, Гриша и Петя Узины.

Узины были дѣти небогатаго Калужскаго мѣщанина занимавшагося поденными работами. Это былъ молодой человекъ вдовецъ, жившій въ одной комнатѣ вмѣстѣ съ своими сыновьями, на образованіе которыхъ онъ за постояннымъ недосугомъ, не слѣдилъ, рассчитывая на то, что скоро ихъ отдастъ въ люди, гдѣ ихъ выучатъ.

Дѣти его выростая безъ присмотра, были строптивы, порою злы и главное — большіе озорники.

Возвращаясь изъ лѣса, куда ихъ посылалъ отецъ за дровами, они увидали, что дѣти сдѣлали свѣжнаго идола и не могли не воспользоваться случаемъ, чтобы не поозорничать.

— Гриша! смотри, что сдѣлали Юдины, такъ звали дѣтей.

— Вижу, вижу, сказалъ Петя въ отвѣтъ.

— Давай сломаемъ....

— Ну что-жъ, ломаемъ.... пусть злятся. И съ этимъ словомъ Узины подъѣхали съ своими саночками къ снѣжной глыбы.

— Что тебѣ нужно Гриша? спросилъ Володя.

-- Ничего.

— А тебѣ Петя?

— Ничего.... а вотъ што: — зачѣмъ это вы изъ снѣгу человѣка сдѣлали.

— А тебѣ какое дѣло? сказалъ Вася.

— А вотъ какое дѣло.... И при этихъ словахъ, Гриша ударилъ болвана палкою.

Юдины стали защищать свое произведеніе, пошла бомбандировка снѣгомъ. Къ Узинымъ присоединился еще мальчикъ, и пошла порядочная свалка.

Юдины были вынуждены къ оборонѣ потому болѣе, что знали Узиныхъ за самыхъ отчаянныхъ озорниковъ и боялись играть съ ними, хотя и считались соседями.

Та и другая сторона очень перезабѣли, но однако держались каждая своей позиціи. Снѣжные комья лѣтѣли не въ болвана, а въ защитниковъ, такъ что не оставалось на дерущихся мѣста, гдѣ бы не было слѣдовъ снѣга.

Вдругъ одинъ изъ комьевъ пущенныхъ старшимъ Узинымъ попалъ въ стекло нижняго этажа, занимаемаго домовладѣльцемъ; испуганные шалуны, подхвативъ свои сани, бросились домой и скоро скрылись, между тѣмъ, какъ хозяинъ дома, увидѣвъ Юдиныхъ тоже хотѣвшихъ уйти домой, тотчасъ же отправился къ ихъ отцу, здѣлалъ ему довольно сурьезное замѣчаніе за поведеніе дѣтей и потребовалъ немедленной уплаты за разбитыя стекла.

Положеніе Юдина отца было очень непріятное. Безропотно заплативъ за шалость, такъ не ожидаемо совершенную, по уходѣ хозяина дома отецъ наказалъ дѣтей, заперевъ ихъ до вечера въ чуланъ. Но бѣдныя дѣти и такъ уже были наказаны.

Проведя часа три на морозѣ, они такъ перезябли, что получили простуду и на другой день уже лѣжали въ постели.

Заботливая мать прилагала въ теченіи цѣлой недѣли всевозможныя средства и только при помощи врача болѣзнь ихъ прекратилась.

Но совсѣмъ не то было съ братьями Узиными.

Они прибѣжали съ дровами домой въ то время, когда отецъ былъ на работѣ. Плохая одеженка дѣтей не могла защитить отъ вліянія сильной сту-

жи даже и тогда, когда они въ лѣсу ломали сучья и собирали хворостъ, но когда же они вступили въ бой съ Юдиными, то окончательно перезябли, слѣдствіемъ чего было то, что они придя въ свою нетопленную комнатку почувствовали ознобъ переходившій въ жаръ, наконецъ дрожь; а по приходѣ отца ни тотъ, ни другой немогли даже стоять на ногахъ.

Отецъ только покачалъ головою; онъ зналъ, что это было слѣдствіе малости, хотя они и скрывали истину. Но бѣдняга и не находилъ и не имѣлъ возможности прибѣгнуть къ медицинской помощи и Гриша умеръ; между тѣмъ, какъ Петя будучи крѣпче его здоровьемъ выздоравлилъ, но только чрезъ мѣсяцъ.

Вотъ примѣръ неосторожности ведущей къ уtratѣ здоровья и жизни. Правда, можно пользоваться и зимнимъ воздухомъ; дѣлая прогулки хорошо закутавшись въ теплую одежду, съ прикрытою головою и теплою обувію, но выходить на морозъ, какъ попало, значитъ рисковать.

Возьмемъ въ примѣръ Гришу зачинщика, котораго Богъ наказалъ — за что? за то, что онъ будучи озорникомъ, захотѣлъ разрушить трудъ другихъ —

это прежде всего, а потомъ за не принятую осторожность противъ холода.

Еслибы онъ захотѣлъ сберечь здоровье, то не сталъ бы останавливаться бросать въ другихъ снѣгомъ. Но вреда другимъ, онъ болѣе всего навредилъ себѣ и ввергнулъ своего родителя въ печаль, такъ какъ послѣдній вскорѣ отъ него ждалъ себѣ подпоры.

УТОНУВШЕЕ ДИТЯ.

Госпожа Правдина на лѣто отправилась на дачу, нанявъ ее въ одной изъ самыхъ живописныхъ окрестностей близъ Москвы. Она любила природу и уединеніе и потому взявъ съ собою дѣтей хорошенькую Лизу, и милаго какъ купидонъ Ваничку ограничила свой штатъ горничною и кухаркою.

Въ то время Лизѣ было 13 лѣтъ, Ванѣ только шесть или семь.

Мальчикъ былъ къ крайнему удовольствію своей мамы любознательнъ и памятливъ, такъ что ему ни стоило никакого труда, усвоить себѣ довольно трудный урокъ, довольно длинный разсказъ, и вообще онъ былъ слишкомъ впечатлителенъ.

Мать ежедневно ходила съ дѣтьми своими гулять и каждый разъ прогулка совершалась около двухъ и трехъ часовъ. Въ это время она рассказывала имъ что нибудь изъ природы и поясняла все примѣрами.

Прогулки эти до такой степени дѣтямъ нравились, что они съ радостнымъ трепетомъ встрѣчали время, въ которое мать надѣвала свою пастушью шляпку и мантиль для обычнаго путешествія по окрестностямъ.

Однажды было превосходное утро. Солнце золотило нивы, серебрило струи быстротечной рѣки. Жаворонки высоко носились въ воздухѣ. И крестьяне радостно косили сѣно поглядывая на колосившійся хлѣбъ. Обычная прогулка была бы несомнѣнна; но къ неудовольствію Вани и Лизы г. Правда была нездорова.

— Мамаша! милая, добрая мамаша. Пойдемте гулять говорилъ Ваня.

— Дитя мое, ты видишь я въ постели, и не могу ходить.

— Но сегодня такъ хороша погода, мамашенька, замѣтила Лиза.

— Я знаю, но дней еще много прекрасныхъ впереди, дѣти.

— А вы намъ позвольте прогуляться.

— Съ удовольствіемъ; но вы знаете что горничной Сашѣ необходимо быть при мнѣ для услугъ и для подаванія лекарства.

— Мы одни мамашенька.

— Зачѣмъ? вы можете заблудиться.

Такимъ образомъ осторожная мать не желала подвергнуть опасности своихъ дѣтей безъ надежнаго надзора и позволила имъ прогуливаться только въ саду, который примыкалъ къ дачѣ.

Съ трепетнымъ сердцемъ дѣти отправились въ садъ, гдѣ имъ было все знакомо и начали играть въ серсо. Эта пріятная игра скоро развлекла ихъ и они забыли о своемъ желаніи.

При одномъ изъ взмаховъ обручъ такъ высоко взвился что перелетѣвъ чрезъ ограду, упалъ на сосѣдней землѣ.

— Ахъ! что ты сдѣлалъ Ваня, сказала Лиза. «Какъ мы найдемъ нашъ серсо?»

— Это очень легко Лизочка, мы выйдемъ за калитку и войдемъ въ садъ нашихъ сосѣдей.

— Однако мамаша не велѣла удаляться изъ садика.

— Мамаша насъ не увидитъ, она больна.

— Все равно.... не велѣла, а ослушаться большой порокъ.

Но рѣзвый Ваня не послушалъ, вышелъ изъ сада и побѣжалъ къ саду сосѣдей, такъ что Лиза должна была слѣдовать за нимъ не хотя.

Калитка въ сосѣдней садъ была отворена и дѣти безъ труда попали на тенистую аллею. Садъ на Ваню подѣйствовалъ очаровательно. Онъ былъ болѣе; деревья были огромныхъ размѣровъ и посреди сада текъ ручеекъ, что особенно нравилось шалуну. Они бросились искать своего обруча; но поиски были напрасны и уставши Лиза должна была сѣсть на траву. Между тѣмъ какъ Ваня стоялъ у ручейка и съ особеннымъ вниманіемъ вслушивался въ кваканье лягушекъ.

— Слышишь Лиза, какъ квакають лягушки?

— Слышу.

— Мнѣ бы хотѣлось одну изъ нихъ поймать.

— Полно Ваня, къ чему это.

— Какъ къ чему? мнѣ хочется разсмотрѣть ихъ поближе.

— Зачѣмъ. При томъ же намъ нужно скорѣе уйти изъ саду, въ которой мы вошли безъ позволенія, при томъ же мамаша можетъ быть ищетъ насъ.

— Но вѣдь это всего минута... мнѣ мамаша говорила, что лягушки хорошо узнаютъ перемену погоды.

— Это зеленныя лягушки.

— Вѣдь и это можетъ быть зеленныя.

— Совсѣмъ нѣтъ.

— Такъ можетъ быть жабы, а мнѣ хочется посмотреть, какъ она носить на спинѣ своихъ дѣтей.

— Перестань Ваня, пойдемъ домой.

Но Ваня противъ своего обыкновенія на этотъ разъ сдѣлался упрямымъ и замѣтивъ на противоположномъ берегу довольно быстрого и глубокаго ручейка отдыхающую лягушку, сталъ пробираться черезъ него по выдавшимся изъ воды камнямъ.

— Ваня—Ваня! что ты дѣлаешь, кричала Лиза.

— Небойся! я ничего... видишь какая большая, я вотъ ее сейчасъ за лапки.

Говоря это Ваня уже дошелъ по камнямъ до середины ручья, и только тутъ замѣтилъ, что далѣе

ему уже не почемъ переходить на противоположный берегъ. Онъ сдѣлалъ на камнѣ, на которомъ стоялъ довольно не ловкій кругъ, покачнулся и — упалъ въ воду.

Ахъ! вскричала Лиза, всплеснувъ руками, Боже мой! помогите! кричала она озираясь. Она готова была сама броситься въ воду, но разсудокъ ея торжествовалъ надъ чувствомъ. Она знала, что неумѣющій плавать никогда не спасетъ утопающаго. Между тѣмъ какъ Ваня былъ подъ водою.

Вдругъ въ это время изъ кустовъ, какъ бы выросъ мужчина высокою роста, одѣтый въ дачный костюмъ.

Ни слова не говоря онъ вошелъ въ воду и въ одно мгновеніе вытащилъ изъ воды Ваню. Который былъ безъ чувствъ.

— Онъ умеръ! плакала Лиза, хватаясь за утопленника.

— Небойтесь барышня онъ живъ. Пойдемте ко мнѣ, идите за мною.

Незнакомецъ, такъ скоро шелъ къ садовому павильону, что Лиза едва успѣвала за нимъ бѣжать.

Добрый незнакомец подаль Ванѣ скорую помощь, и нашъ естество испытатель пришелъ въ чувство, но однакоже по платился за это недѣльной лихорадкой.

Мать, какъ могла благодарила незнакомца, который, какъ оказалось былъ докторъ.

Во время прогулки дѣтей, онъ тихонько слѣдилъ за ними и вотъ почему ему удалось во время спасти шалуна и тѣмъ избавить отъ горести мать и дочь.

Во всякомъ случаѣ при видѣ малѣйшей опасности не должно рисковать. Если мы видимъ яму зачѣмъ чрезъ нее прыгать, когда есть возможность обойти. Зачѣмъ разбирать заборъ, чтобы войти на дворъ, когда есть калитка, зачѣмъ искать брода, когда есть мостъ. Особенно въ играхъ дѣтскаго возраста нужно избирать безопаснѣйшія.

Счастіе Вани, что ему Богъ послалъ скорого избавителя, иначе онъ бы совершенно погибъ.

ДѢТСКІЯ ПРОСТУПКИ.

МАЛЕНЬКІЯ ВОРЫ.

На дѣтей обыкновенно благотворно или зловредно дѣйствуютъ примѣры старшихъ; а по этому родителямъ нужно, какъ можно чаще внушать дѣтямъ своимъ о Богѣ добродѣтели, о любви къ ближнимъ, а вамъ дѣти нужно прежде всего гнушаться всего дурнаго и какъ можно запоминать то, о чемъ говорятъ ваши родители и наставники.

Дитя, воспитанный въ дурной семьѣ не можетъ не вынести изъ нее худаго, это и значить, что этотъ человѣкъ дурнаго воспитанія.

Коля и Вася были между собою очень дружны и постоянно играли вмѣстѣ; они жили въ одномъ домѣ и семьи этихъ дѣтей были по сосѣдству.

Коля былъ мальчикъ очень смирный, но Вася былъ по бойче и какъ-то такъ его характеръ сформированъ, что онъ легко перенималъ и усваивалъ и хорошее и дурное. Родители Васи вообще смотрѣли на замашки сына снисходительно, говоря, что это происходитъ отъ глупости.

Однажды Васю взяли родители съ собою мѣсяца на три въ деревню, такъ какъ отецъ Васи былъ боленъ и ему требовался для поправки здоровья чистый воздухъ.

Коля скучалъ по товарищѣ и несказанно былъ обрадованъ его возвращеніемъ.

Но въ Васѣ въ такое короткое время произошла большая перемѣна. Не говоря уже о томъ что онъ физически окрѣпъ, загорѣлъ, его рѣчь стала какъ-то груба, отрывиста, и пестрилась провинціальными словами рѣзко дѣйствующими на непривычный слухъ.

— Что ты тамъ дѣлалъ Вася въ это время? спрашивалъ Коля.

— Эво! что дѣлалъ!... по цѣлому дню съ улицы не сходилъ: въ бабки да въ свайку съ ребятами играли, на качеляхъ, качались, на соседнихъ огородахъ рѣпу, горохъ, морковь, воровали.

— Что это, какой стыдъ, Вася.

— Стыдъ?! да вѣдь сладко... чего стыдъ; да тамъ это и за грѣхъ не считаютъ. А вѣдь какъ поведено.

Коля потрясъ головою; его ужасала одна эта мысль.

Коля возвратясь домой не могъ не утерпѣть, чтобы неразсказать слышанное своей матери.

Видишь ли милое дитя, какъ это не хорошо, а вѣдь Вася такихъ же лѣтъ, какъ и ты. Пожалуй-ста не водись съ нимъ, онъ мальчикъ съ дурными привычками.

Коля поникнулъ головою; ему никакъ не думалось разстаться съ единственнымъ товарищемъ его дѣтства, хотя въ тайнѣ и общался не перенимать его привычекъ и дурныхъ наклонностей.

Однажды Коля взявъ съ собою сачекъ для ловли бабочекъ, которыхъ онъ любилъ собирать, отправился въ полѣ.

Его догналъ Вася.

— Куда? Коля!

— Ловить бабочекъ. Пойдемъ.

— Ну, вотъ пустяки. Я и безъ сѣтки ихъ наловлю много; пойдемъ въ садъ къ Ивану Петровичу.

— Развѣ можно безъ позволенія.

— А то чтожь! Если кто увидитъ извинимся да и вонъ.

— Это не хорошо.

— Хорошо будетъ, идемъ..... Я вчера былъ и тамъ съ десятокъ видѣлъ такихъ бабочекъ, во какихъ, съ полъаршина и Вася при этомъ такъ раздвинулъ широко руки, что Коля, увѣренный въ справедливости разпнулъ ротъ отъ удивленія.

— Вотъ какъ! ну пойдемъ.

Садъ этотъ принадлежалъ одному богатому купцу фабриканту суконъ и былъ довольно обширенъ и содержалъ съ особеннымъ стараніемъ; въ немъ было много плодовыхъ деревъ и между прочимъ росли привкусные яблоки.

Къ несчастію для мальчиковъ, садъ былъ огороженъ высокимъ тыномъ.

— Да! А какже Вася мы попадемъ въ садъ, вѣдь насъ не пустятъ.

— Пускай ихъ не пускаютъ, мы и безъ нихъ пройдемъ.

— Какъ же это?

— Прямой дорогой — черезъ заборъ.

— Я боюсь Вася.

— Эхъ ты трусь!... А бабочки то? Вѣдь въ аршинъ крылья.

Коля встрепенулся. Ему смерть какъ хотѣлось поймать хоть одну такую бабочку, чтобы удивить мать съ отцемъ и потому рѣшился на такой поступокъ, однакоже спросилъ Васю:

— Какъ же намъ перелѣзть?

— Это мое дѣло. Я вчера все тамъ устроилъ что теперь могу по забору ходить, какъ по лѣстницѣ.

— Какъ же Вася.

— Гвоздей наколотилъ, а на верху петлю укрѣпилъ.

Въ самомъ дѣлѣ Вася, а за нимъ и Коля перебрались чрезъ заборъ и стали разгуливать по пустынному саду.

— Видишь какъ хорошо, Коля.

— Хорошо, только какъ бы не увидѣли. Гдѣ же бабочки.

— Погоди будутъ и бабочки, отвѣчалъ Вася, зорно поглядывая къ верху.

Вдругъ бойкій Вася бросился на яблонь и съ быстротой вѣтки полезъ по дереву. На деревѣ росли сочные, вкусные коричневые яблоки.

— Лови Коля, кричалъ съ дерева Вася, срывая плоды.

— Ахъ Вася! слѣзь! ради Бога слѣзь... Увидятъ, будетъ худо.

— Какъ же, увидятъ.... нѣтъ братъ такую сласть бросать не годится; лови, собирай, наберемъ побольше, ну и домой.

— Ахъ Вася! ты бы мнѣ лучше бабочку поймалъ.

— Будетъ тебѣ... эти яблоки лучше твоей бабочки.

— Нѣтъ Вася я боюсь.... лучше пойдѣмъ домой или я пойду одинъ и Коля дрожалъ и блѣднѣлъ.

— Перестань, а нѣтъ такъ уходи, только впередъ я и знаться съ тобой не буду.

Коля вспомнилъ въ это время слова матери, которая говорила, не водится съ Васей и на этотъ

разъ уже всталъ, чтобы уйти но было поздно. Съ конца сада къ нимъ на встрѣчу бѣжалъ садовникъ съ большой палкой въ рукѣ. Коля затрясся, Вася со скочилъ съ дерева.

— Попались, сказалъ воришка, и хотѣлъ броситься, но былъ схваченъ садовникомъ. Коля также былъ пойманъ помощникомъ садовника.

Садовникъ видя что мальчики одѣты прилично, вѣжливо просилъ ихъ не сопротивляться и отправился съ ними къ фабриканту. Последній въ это время сидѣлъ за счетами.

— Что ты? спросилъ Иванъ Петровичъ.

— Да вотъ сударь, воришекъ поймаю; яблоки, воруютъ. Какъ прикажете?

Фабрикантъ подошелъ къ Колѣ и Васѣ и долго пристально смотрѣлъ на того и другаго. Коля потупивъ глаза съ румянцемъ на щекахъ, горько плакалъ. Вася смотрѣлъ бойко, какъ ни въ чемъ не виноватъ.

— Вы кажется дѣти хорошихъ родителей, а дурно дѣлаете. Неужели васъ этому учать отцы? строго спросилъ фабрикантъ.

— Извините насъ милостивый государь, я не хотѣлъ яблоковъ, а только половить бабочекъ. Говорилъ Коля сквозь слезы.

— А кто же рвалъ яблоки?

— Я не бралъ отозвался Вася.

— Не бралъ.... Я тебя видѣлъ, да откуда же эти яблоки, посмотри-ка говорилъ садовникъ, открывая фартукъ.

Фабрикантъ сталъ спрашивать о томъ, какъ они пробрались въ садъ и выслушавъ всѣ подробности приказалъ заложить карету и съ двумя маленькими преступниками отправился къ отцу Коли.

Пріѣздъ фабриканта крайне изумилъ отца Коли; а краска стыда покрыла его щеки за поведеніе сына.

Но фабрикантъ сказалъ:

— Я извиняю это дитя... Онъ имѣетъ совѣсть и его увлеченіе произошло отъ того только, что онъ любитъ бабочекъ онъ уже у меня просилъ извиненія. Но вотъ другой мальчикъ, у котораго видѣнъ и характеръ совершенно иной. Онъ рвалъ яблоки, заперся въ своемъ поступкѣ и не принесъ

извиненія; кромѣ того у него даже былъ замыселъ заранѣе обдуманнѣй и онъ даже устроилъ особаго рода лѣстницу. Берегите отецъ вашего сына и удаляйте отъ дурнаго товарищества.

Фабрикантъ уѣхалъ. Отецъ сдѣлавъ Колѣ строгій выговоръ, строго запретили ему, водится съ Васей. И эта предосторожность была неизлишняя. Изъ Васи современемъ вышелъ дурной человѣкъ, котораго никто не терпѣлъ, а уже послѣ ненавидѣли и избѣгали, потому, что лакомство и мотовство развило въ немъ страсть къ воровству, которое его сгубило, лишивъ честнаго имени.

БОГАТАЯ И БѢДНАЯ.

Купецъ Бисерскій имѣлъ большую торговлю, домъ съ роскошнымъ садомъ и семью состоящую изъ жены и дочери.

Дѣла по торговлѣ шли такъ хорошо, что онъ почти не желалъ лучшаго. Быть никому не должнымъ, вести дѣла честно—вотъ были его правила—а эти правила—купеческая добродѣтель.

Въ самомъ дѣлѣ, какъ посмотрѣть на его богато-меблированный домъ, прекрасный серебряный сервизъ, обстановку жизни, экипажи, полные денегъ сундуки — кажется и желать было нечего болѣе и самъ хозяинъ всегда довольный и веселый вполнѣ сознавался въ этомъ.

Да! г. Бисерскому печалится было нечѣмъ; супруга его была добродѣтельная и скромная дама, хорошенькая дочь также утѣшала его послушаніемъ, прилежаніемъ и скромностью.

Въ домѣ купца Бисерскаго жила молодая бѣдная вдова съ шестилѣтней дочерью, ровесницей Аннушки дочери богача. Вдова кормилась трудами, мыла бѣлье, прислуживала въ подневныхъ работахъ и на эти то трудовыя деньги содержала себя и дочь.

Скромность этой бѣдной женщины, ея усердіе, деликатность обращенія не могли не обратить вниманіе живущихъ въ домѣ и сама Бисерская обратила на бѣдную женщину свое вниманіе.

Однажды, видя что бѣдная вдова несла мокрое бѣлье, изгибаясь подъ тяжестью огромной корзины, сказала ей:

Послушай Марья! зачѣмъ ты носишь такія тяжести, которыми можешь повредить своему здоровью, отвѣчала:

— Что дѣлать сударыня! бережешь здоровье, да также дорожишь и временемъ. Скорѣе управлюсь, найду время и отдохнуть.

— Все это такъ, но можно захворать и тогда уже не будетъ болѣе возможности отдохнуть, когда придется слечь въ больницу и страдать днемъ и ночью не имѣя покоя.

— Что дѣлать сударыня! Бѣднымъ людямъ Богъ велѣлъ трудиться и молиться, родители меня тому же учили, покойный мужъ умирая, умолялъ меня воспитывать нашу дочь по силѣ—по мочи, а вотъ ужъ ей седьмой годъ, пора отдать въ школу.

— Въ школу? и ты при своихъ средствахъ хочешь учить свою дочь.

— Да сударыня! мое все стремленіе къ тому чтобы моя дочь была грамотѣйкой.

— Цѣль похвальна Марья мнѣ очень пріятно видѣть такую женщину, которая жертвуетъ своими силами здоровьемъ и покоемъ для блага своихъ дѣтей.

Марья говорила правду; ея желаніе было оказать своей дочери столько добра на сколько для того доставалось ума и средствъ и вотъ какъ она поступала; но прежде всего скажемъ о ней самой.

Она была дочь небогатыхъ ремесленниковъ воспитанная скромно и благочестиво; родители дали ей скромное, но приличное образованіе, такъ что дѣвушка могла достойно занимать мѣсто въ своей средѣ. Со временемъ Марія родителями была выдана за скромнаго трудолюбиваго, но небогатаго человѣка съ хорошимъ образованіемъ, занимавшимъ видное мѣсто на одной изъ хорошихъ купеческихъ конторъ. Но при усиленномъ трудѣ, получивъ чахотку заболѣлъ и умеръ оставивъ на попеченіе своей любимой супруги маленькую дочь. Марія осталась не причемъ съ дочерью на рукахъ и съ горестью въ сердце. Родители ея умерли, мужъ не оставилъ ничего по себѣ кромѣ носильнаго платья и маленькаго хозяйства и бѣдной Маріи въ удѣлъ остался одинъ трудъ.

Продавъ кой что излишнее, Марія начала приискивать себѣ работы. Когда дѣвочка уже умѣла ходить, то она брала дочь съ собою на нѣкоторые работы, или же брала работу на домъ. Марія не избирала ни рода работы, ни дорожилась въ пла-

тѣ, и такимъ образомъ пріобрѣла знакомства и никогда не была безъ работы. Дѣвушка подрастала и заботы Маріи прибавлялись, такъ какъ мужъ ея при послѣднемъ одрѣ завѣщалъ женѣ дать ихъ дочери по мѣрѣ средствъ воспитаніе, такъ какъ только воспитаніемъ можно человѣку имѣть возможность въ трудномъ положеніи жизни снискивать пропитаніе. И Марія чтитъ это завѣщаніе какъ святой законъ.

Однажды въ праздничный день, когда все семейство Бисерскихъ сидѣло въ саду, пользуясь лѣтнимъ воздухомъ, такъ какъ Бисерскіе никогда не уѣзжали на дачу, то Александра Васильевна, такъ звали жену Бисерскаго попросила позволенія у мужа пригласить бѣдныхъ мать съ дочерью, такъ какъ ей было очень пріятно и любопытно узнать мнѣнія женщины о воспитаніи дѣтей и средствахъ вдовы, такъ какъ Александра Васильевна была сама матерью.

Марія вошла съ своей малолѣтней дочерью. Она была женщина лѣтъ тридцати, еще довольно красивая, но худощавая, съ манерами приличными и не для пощенщицы. Опрятное ситцевое платье, бѣлый фартукъ, довольно красивый воротничекъ го-

ворили въ пользу этой женщины; дочь ея тоже была одѣта чисто и прилично возрасту.

— Здравствуйте мои милыя сказала Александра Васильевна. Садитесь сюда на скамью.

— Мы и постоимъ, сударыня.

— Нѣтъ, садитесь... не бойтесь, а я вотъ буду просить тебя Расскажи мнѣ пожалуйста на какія средства ты думаешь дать твоей дочери образованіе. «Юлія!» сказала Бисерская своей дочери, познакомься съ этой малюткой, поди поиграй съ ней.

Юлія, смѣло подошла къ сироткѣ и нѣжно поцѣловала ее. Чрезъ минуту малютка уже лепетала другъ съ другомъ, еще минута и онѣ уже бѣгали по саду.

Дѣти вообще скоро знакомятся.

— Что же вамъ сударыня рассказать?

— Скажи мнѣ: у тебя вѣроятно нѣтъ ничего такого, чтобы можно было скрывать, а между тѣмъ мнѣ думается, что это дѣло очень трудное и малютка будетъ для тебя полезнѣе, если ты ее приучишь къ своимъ работамъ.

— Оно справедливо сударыня, но эти труды тяжелы, и не дѣтскому (организму) возрасту. Притомъ

я бы и сама готова опять приняться за ту работу, къ которой я привыкла съ измала.

— Что же это за работа?

— Я вышиваю золотомъ, и знаю другія женскія рукодѣлья.

— Ахъ какъ жаль тебя, что ты оставила эти занятія, промѣнявъ ихъ на тяжелый трудъ.

— Потому то я и желаю, чтобы дочь моя наслѣдовала мое рукодѣлье, отъ котораго я отстала по необходимости.

— Но какія же у тебя средства, доспрашивалась Александра Васильевна.

— У меня есть вотъ какія средства сударыня. Онѣ не велики, но съ Божіей помощію я надѣюсь ихъ увеличить, хоть до того, чтобы дать хоть понятія въ грамотѣ. Съ того дня какъ мужъ мой умеръ, я употребила самыя скромныя средства, чтобы его похоронить и помянуть, а оставшуюся сумму принуждена была тратить до пріисканія занятій. Скоро они нашлись и вотъ я другую половину суммы положила и каждый день изъ вырученныхъ заработковъ откладываю по одной пятой части въ купленный мною ящичекъ. Это продолжается аккуратно

пять лѣтъ и я утѣшаюсь этимъ, когда вижу, что сумма бѣдной сиротки постоянно увеличивается, тогда какъ и у богатыхъ людей, часто уменьшается капиталъ.

— Это ты милая Марія дѣлаешь прекрасно а сколько ты сберегла такимъ образомъ? спросилъ Бисерскій.

— Сама не знаю сударь.

— Конечно не много замѣтила Александра Васильевна.

— Я вамъ пожалуй принесу мою кассу и покажу вамъ.

— Это другой разъ моя милая. Я сама тебя спрошу и разумѣется ты мнѣ не откажешь.

— О конечно сударыня, развѣ я могу къ вамъ питать недоверіе.

Между тѣмъ Бисерскій сказалъ:

— Я вотъ что Саша вздумалъ: гувернанткѣ нашей все равно учить что одну дѣвочку что двухъ, пусть ея дочь ходитъ къ намъ на урокъ. А между тѣмъ ребенокъ по немногу будетъ привыкать къ ученью.

Марія бросилась къ ногамъ новыхъ благодѣтелей со слезами на глазахъ. Это былъ для нее такой неожиданный подарокъ, котораго она во все не ожидала.

Съ этого дня на Марию съ дочерью, посыпались благодѣянiя, впрочемъ она и заслуживала. Не желая оставаться въ дому за то, что дочь ея ползуется уроками, она свободное время употребляла для услугъ по дому Бисерскихъ и день ото дня входила большое и большое довѣрiе. Александра Васильевна движима добрымъ стремленiемъ, время отъ времени награждала вдову небольшими подарками по части гардероба, то есть дарила поношенныя, а иногда даже и на новыя платья.

Кромѣ того, она купила вдовѣ новую копилку въ которую каждый мѣсяцъ вкладывала по нѣскольку рублей, такъ что по истеченiи года въ ней было вмѣстѣ со вносомъ Марii сумма достигла до ста слишкомъ рублей.

Марія чувствовала себя счастливою, потому что ея намѣренiя исполнялись мало по малу, и что всегда болѣе радовало вдову, что ея малютка Лиза оказывала быстрыя успѣхи подъ руководствомъ доброй нѣмки гувернантки Агнессы Карловны, такъ что Юлія была гораздо слабѣе въ урокахъ.

Александра Васильевна этому успѣху Лизы радовалась, дарила конфетами малютку и говорила:

Учись дитя мое, учись, быть можетъ тебѣ придется познаніями пользоваться какъ средствомъ къ жизни и при этомъ общала Агнессѣ Карловнѣ прибавить жалованія.

Кромѣ того Лиза и Юлія такъ были дружны, что послѣ уроковъ часто правдили по нѣскольку часовъ вмѣстѣ играя подѣ надзоромъ гувернантки, и дѣвочка мало по малу пріобрѣла манеры благовоспитанной дѣвочки, и привыкла къ деликатному обращенію со старшими, такъ, что не вводила въ краску маленькихъ подругъ Юліи и восхищала мать.

Въ свободное время Марія читала съ дочерью Евангеліе и другія священныя книги, растолковывая значеніе прочтеннаго и ходила по праздникамъ съ нею въ храмъ Божій.

Такимъ образомъ легко, свободно и безъ затрудненій молодая дѣвочка росла, пріобрѣтала познанія, усвоивала ихъ и подѣ надзоромъ матери и добрыхъ покровителей усвоила себѣ прекрасныя нравственныя начало.

Въ шестнадцать лѣтъ Лиза уже не нуждалась сведеніями Агнессы Карловны, потому что также смѣло говорила по французски и по нѣмецки, какъ ихъ наставница и знала исторію географіи и другія науки.

Добрые Бисерскіе любили Лизу, какъ дочь и часто говорили послѣдней: Видишь ли душечка, что значить сирота, Богъ ее наградишь талантомъ, какъ она хорошо все знаетъ не хуже Агнессы Карловны и музыку превосходно изучила и работать всѣ рукодѣлья переняла у матери, а ты далеко не то; лѣнивенькая вышла.

Дѣйствительно Юлія не очень охотно занималась науками; притомъ же характеръ современемъ началъ обнаруживаться съ недостатками, то есть по временамъ обнаруживаться гнѣвъ, гордость, капризъ, что часто видѣла Александра Васильевна, и что по этому она преслѣдовала.

Нужно замѣтить, что предъусмотрительная Марія, при каждомъ удобномъ случаѣ внушала дочери, что гнѣвъ и гордость — пороки, которые ни гдѣ не терпимы; что облагодѣтельствованная въ чужой семьѣ, никогда не должна забываться до того, чтобы позволить стать съ своими покровителями на одну доску.

Также она говорила ей часто: Помни дитя мое, что познанія имѣть отлично, но при этомъ не лишнее знать какое нибудь ремесло и стала учить ее работамъ въ пальцахъ. Это повело къ тому, что дѣвочка скоро стала великолѣпно вышивать и Бисерскіе стали рекомендовать и сами давать работу.

Марія окончательно занялась ими и тѣмъ болѣе была рада, что она не подвергалась вредному вліянію тяжелаго труда да и работа была не сравненно выгоднѣе. И вотъ въ послѣднія четыре года, Марія преобразила свою комнатку въ мастерскую, гдѣ уже и работала съ дочерью.

Такимъ образомъ Господь вознаградилъ труды бѣдной вдовы.

Но бѣдной вдовѣ въ теченіи этихъ почти десяти лѣтъ покровительства добрыхъ Бисерскихъ, не прошли безъ непріятностей.

— Оказывая посильныя услуги по домашнему хозяйству, она должна была переносить разныя надсмѣшки, названія отъ прислуги, и тѣмъ колкости были ядовитѣе и злѣе, когда видѣли, она или дочь пользовалась подарками.

Марія переносила эти надсмѣшки съ терпѣніемъ, отвѣчая на ихъ ласковымъ обращеніемъ, услужли-

востью зная, что зависть, какъ и гордость—грѣхи являющіеся у душъ низкихъ; но ей было еще больше переносить, когда при ней почти вслухъ говорили, что дочь ея — нищая.

— Мы бѣдны, думала женщина, глотая слезы но я не выпрашиваю съ рукою подавнія, я работаю и трудомъ заслуживаю пропитаніе. Это и подало ей мысль опять приняться за рукодѣліе, хотя глаза ея уже не были такъ зорки, какъ прежде.

Но однако это послужило къ тому, что прислуги стали судить совсѣмъ иначе о Маріи и даже заискивать у ней. Впрочемъ тому были и другія обстоятельства:

Лиза развиваясь умственно и нравственно и съ успѣхомъ пріобрѣтая познанія небольшою обратила на себѣ вниманіе всѣхъ домашнихъ и друзей дома. Бисерскихъ. Природа облагородила ея наружность, которая была пріятна а деликатное обращеніе окончательно говорило въ ея пользу.

Словомъ, — дѣвушка стояла того, чтобы ее уважать, и это тѣмъ болѣе, что она умѣла отличать хорошее отъ дурнаго и усваивать себѣ только то, что полезно, прилично, или составляетъ добрый поступокъ.

Въ числѣ прикащиковъ Бисерскаго находился одинъ молодой человѣкъ, прекрасной наружности и самыхъ строгихъ правилъ; по своей расторопности, честному поведенію, опытному знанію торговыхъ дѣлъ и бухгалтеріи онъ въ глазахъ хозяина былъ первымъ человѣкомъ и вошелъ въ полное довѣріе г. Бисерскаго.

Этому молодому человѣку понравился прекрасный характеръ Лизочки и его самолюбію льстили ея познанія и желаніе получить руку дѣвушки овладѣло имъ до такой степени, что онъ рѣшился по русскому обычаю объясниться съ ея матерью, прежде всего.

Въ одинъ прекрасный день молодой прикащикъ отправился къ Маріѣ, уловивъ минуту когда Лизонька была въ домѣ Бисерскихъ и сдѣлалъ ей предложеніе относительно ея дочери.

Эта партія, какъ нельзя болѣе соотвѣтствовала цѣли, къ которой стремилась добрая мать. Но ей нужно было спросить, согласна ли на это ея дочь.

Отвѣтъ на предложеніе долженъ былъ послѣдовать вскорѣ.

Лиза на вопросъ матери отвѣчала, что она согласна съ мнѣніемъ матери убѣжденная впередъ,

что никогда и ничего не можетъ быть отъ того дурнаго, на что рѣшится ея родительница.

Но минута наступала рѣшительная и Марія пошла къ своимъ благодѣтелямъ, чтобы спросить на то ихъ мнѣнія.

Бисерская чрезвычайно обрадовалась такому стеченію обстоятельствъ благопріятному съ обѣихъ сторонъ.

— Самъ Богъ благопріятствуетъ тебѣ Марія. Женихъ и невѣста стоятъ другъ друга.

Но этимъ не кончилась что Лиза вышла замужъ за прекраснаго молодаго человѣка Бисерскій наградилъ невѣсту, давъ за ней три тысячи.

Вотъ вамъ дѣти сумма для вашего семейнаго обезпеченія. Дай Богъ вамъ жить счастливо; вы достойны другъ друга.

Молодой Кротковъ, такъ звали жениха-прикащика былъ оставленъ хозяиномъ съ увеличеніемъ жалованія; при этомъ ему съ женой и Маріей была дана приличная квартира и семейство было осчастливлено.

Между тѣмъ во время свадьбы была не забыта завѣтная копилка, въ которую Марія неустанно

откладывала завѣтныя суммы въ теченіи тринадцати лѣтъ. Добрая мать поднесла ее жениху и сказала при тутъ же бывшихъ Александрѣ Васильевнѣ съ мужемъ:

Вотъ капиталъ мой сынъ, который я обѣщала за дочерью.

Но Кротковъ вѣжливо отклонилъ подарокъ, говоря:

Нѣтъ матушка! вы конечно не оскорбитесь тѣмъ, что я отказываюсь, пока въ силахъ, отъ вашей помощи. Я уже благодаренъ вамъ и тѣмъ, что имѣю такую добродѣтельную невѣсту и надѣюсь, что мои молодыя силы дадутъ мнѣ средства къ жизни. А эти деньги мы найдемъ возможность на что употребить со временемъ.

При общемъ желаніи провѣрить какая сумма скопилась въ такое долгое время копилка была отперта при помощи ключа, который все время хранился у доброй Александры Васильевны и каково было удивленіе, когда въ ней было найдено до 3 тысячъ рублей.

Бисерскій, взявъ эти деньги помѣстилъ ихъ въ кредитное учрежденіе и отдалъ Маріи говоря:

— Береги этотъ билетъ онъ тебѣ возвратитъ свою сумму съ процентами.

Съ этаго дня Маріѣ полилось счастье.

Оставивъ свои занятія, которые сдѣлались ей не по глазамъ, она сдѣлалась постоянной собесѣдницей Александры Васильевны.

Не прошло двухъ лѣтъ, какъ Кротковъ мужъ Лизы получилъ наслѣдство отъ одного родственника послѣ смерти по духовному завѣщанію. Оно состояло изъ дома и нѣсколькихъ тысячъ. Кротковъ рѣшился открыть свою торговлю и оставить службу. Но г. Бисерскій трудно заболѣлъ какой-то долговременной болѣзною и просилъ его не оставлять службы, совѣтуя лучше открыть свою и здать ее надежному человѣку по отчету.

Кротковъ разбогатѣлъ, но не отказался еще на нѣсколько времени заниматься у Бисерскаго.

Еще годъ и Бисерскій умеръ. Александра Васильевна прекратила торговлю рѣшившись жить домомъ и процентами съ ихъ огромнаго капитала. Тутъ Кротковъ занялся исключительно своею торговлей которая шла очень удачно.

Теперь обратимся къ Юліи.

Окруженная богатой обстановкой, почтительною вѣжливостью прислуги и другихъ служащихъ лицъ, она училась, когда хотѣла, какъ хотѣла, и ей никто никогда не внушалъ, что бываетъ въ жизни то, время, когда богатства проходятъ, а остаются при человѣкѣ только однѣ знанія; также ни кто ей никогда не внушалъ, что вѣжливость со стороны слухъ и другихъ служащихъ можетъ быть не всегда искренно. И въ Юліи мало по малу развивалось гордость и лѣнь, а съ ними вмѣстѣ капризы.

Александра Васильевна старалась кроткими мѣрами внушать ей, что нѣкоторыя ея поступки дурны, но могла ли момодая неопытная дѣвушка понять то, чему не видала примѣра или чего не испытала. — Она богатыхъ родителей дочь, ей служатъ, люди бѣдные, слуги—пусть и служатъ, мнѣ что за дѣло что они устаютъ, они получаютъ плату и дѣлай же они то, что я хочу. Или думала: я богата, что мнѣ учиться, учительницей что ли быть когданибудь или наконецъ, бѣлошвейкой или золотошвейкой, какъ Лиза. Я вовсе ей завидую, что она хорошо учится. А мнѣ что за необходимость! Достаточно того, что я буду, какъ куколка развѣзжать въ каретахъ и кто—знаеть можетъ быть буду женой министра или генерала.

И съ такими мыслями она гордо смотрѣла на всѣхъ тѣхъ, кто только нѣсколько зависѣлъ отъ ихъ семейства; такъ что будучи осмнадцати лѣтъ она уже заслужила названіе отъ своихъ подчиненныхъ: «гордая хозяйка» фонбарошна и прочіе подобнаго значенія названія; разумѣется эти слова до ея слуха не доходили.

Когда Александра Ивановна овдовѣла, то въ горести своей не знала предѣловъ, и сильно страдала душно отъ потери любезнаго супруга и потому хозяйство почти все цѣло перешло въ руки Маріи и Юліи. Здѣсь молодая Бисерская еще болѣе показала свой характеръ. Между тѣмъ стали къ богатой невѣстѣ свататься женихи. Она многимъ отказала на отрѣзъ при томъ людямъ достойнымъ. При отцѣ конечно этого отказа можетъ быть и не послѣдовало, но Александра Васильевна утруженная болью въ груди и сердечнымъ разстройствомъ не могла строго обсуждать сурьезные предметы, находя въ дочери столько собственнаго соображенія, что она въ силахъ обсудить вопросъ о своемъ положеніи.

Наконецъ умерла и Александра Васильевна не могшая перенести потери супруга, осталась Юлія совершенно по своей волѣ и совершенно предалась своимъ увлеченіямъ — и порывамъ характера.

Между тѣмъ Лиза теперь Лизавета Андреевна жена купца Кроткова оказалась неменѣе достойною матерью. Они жили, что называется припѣваючи и такимъ образомъ прожили десять лѣтъ.

Марья Петровна мать Кротковой теперь уже слишкомъ пятидесяти лѣтъ, доживала свой вѣкъ благословляя Бога и няньча маленькихъ внучатъ.

Однажды къ нимъ позвонили.

Прикащикъ отворилъ дверь и встрѣтилъ на порогѣ исхудалую молодую женщину одѣтую чрезвычайно скромно, чтобы не сказать бѣдно.

Здѣсь живетъ Лизавета Андреевна? спросила она.

— Здѣсь.

— Нельзя ли мнѣ ее видѣть.

— Какъ объ васъ доложить?

— Скажите, что ее желаетъ видѣть Юлія Ивановна Бортова урожденная Юлія Бисерская.

— Прикащикъ посмотрѣлъ съ удивленіемъ, онъ зналъ эту всѣмъ извѣстную фамилію и поспѣшилъ доложить.

— Въ какое изумленіе была приведена Кроткова, ея мужъ и Марья Петровна, увидѣвъ молодую женщину съ видимыми признаками упадка.

Однако они старались прикрыть свое изумленіе тѣмъ, что давность времени измѣнила черты до того, что ее было трудно узнать.

Послѣ первыхъ привѣтствій и размѣна обычныхъ фразъ Юлія Ивановна начала:

— Вы, друзья мои видите во мнѣ жертву собственнаго моего тщеславія и не послушанія.

Оставленная на собственный произволъ, я рѣшилась выдти за человѣка, который мнѣ казался при громкомъ имени отъ предковъ, достойнымъ ихъ; но ошиблась. Мы жили первый годъ такъ роскошно, что намъ завидовали всѣ насъ окружающіе, второй годъ провели также; мнѣ нравилось, что мой мужъ кидалъ мои деньги на право и на лѣво и я думала въ простотѣ души, что обладаю неистощимымъ кошелькомъ, но онъ пошелъ еще далѣе; началъ играть въ азартныя игры большими кушами, попался на шайку картежныхъ игроковъ и въ мѣсяцъ спустилъ половину состоянія.

Такимъ образомъ, желая отыгратъся, онъ началъ снова эту игру и такимъ образомъ въ годъ спустилъ послѣднее до крошки.

И съ этихъ поръ я должна была уроками добывать себѣ пропитаніе. Наконецъ я истомилась. Къ

довершенію всего я лишилась мужа послѣ котораго кромѣ долга ничего не осталось; правда остался домъ, который принадлежит мнѣ по праву, но онъ заложенъ за четыре тысячи, а у меня нѣтъ ни гроша и я даже неимѣю угла.

Вотъ вамъ моя горестная біографія.

Выслушавъ разсказъ Марья Петровна вышла и возвратясь вынесла Юліѣ Ивановнѣ билетъ кредитнаго учрежденія.

Вотъ вамъ Юлія Ивановна эти три тысячи, онѣ ваши; благодаренія вашихъ родителей дали мнѣ случай воспитать мою дочь, и сохранить эту сумму до сего времени. Здѣсь три тысячи и проценты за десять лѣтъ.

Мнѣ пріятно, что я имѣла случай и возможность сберечь ихъ, чтобы отплатить или часть того вниманія какое оказывали вы моей дочери, примите и не отказывайтесь.

Къ этимъ словамъ вдовы присоединила свои Лизавета Андреевна.

Вамъ будетъ на эти деньги легко выкупить домъ вашего мужа Юлія Ивановна; и вы можете жить спокойно и счастливо.

О если такъ милые мои, если я въ самомъ дѣлѣ нашла въ васъ старыхъ неизмѣнныхъ друзей, то прошу васъ оставить у себя эти деньги, а въ замѣнъ того окажите мнѣ гостепріимство и кровь.

Я могу жить уроками, но такъ какъ я одна въ мірѣ, то мнѣ всего пріятнѣе въ часы досуга проводить время въ средѣ друзей, которыми считаю васъ съ этой минуты.

И Юлія Ивановна перебралась къ Кротковымъ. Елизавета Ивановна къ своей прежней подругѣ встрѣтила странную перемѣну. Гордость смѣнилась кротостью, лѣнь трудолюбіемъ и вообще характеръ преобразился въ нѣжный, мягкій, пріятный и нѣсколько мечтательный.

Вотъ разсказъ, примѣры такихъ переходовъ изъ бѣдности къ богатству можно встрѣтить въ свѣтѣ, только рѣдко подобнаго рода благодарная отплата.

СВИРѢЛЬ

или

ЛЮБОЗНАТЕЛЬНЫЙ МАЛЬЧИКЪ.

Володя былъ сынъ бѣднаго сапожника живущаго въ развалившемся домикѣ на краю одного уѣзднаго города. Ему было уже лѣтъ девять, какъ отецъ его отдалъ въ школу. Мальчикъ учился къ общему удовольствію отца и учителей весьма успѣшно. Кромѣ этого, что онъ старательно учился, мальчику на пути представлялось много пищи для воображенія. Путь въ школу лежалъ по большой улицѣ, по которой находились и кузница и столяръ и другія ремесленные заведенія. Мальчикъ все это подмѣчалъ и страсть къ дѣлу до такой степени въ немъ развилась, что онъ непремѣнно хотѣлъ все это знать, все это изучить на опытѣ.

Однажды мальчикъ шелъ въ полѣ, куда послала его мать пригнать корову; Въ это время пастухъ игралъ на свирѣли и трели этого простаго инструмента разносились по всюду по окрестности. Страхъ какъ понравились звуки инструмента въ устахъ простаго мужичка.

Володя подошелъ къ нему.

— Ахъ дядя, какъ ты хорошо играешь, сказалъ онъ пастуху.

— Тебѣ нравится паренекъ.

— Очень. Дай мнѣ поиграть.

— Да вѣдь ты не умѣешь?

— Научишь буду и я умѣть.

Пастухъ далъ ему свою свирѣль; но мальчикъ извлекъ изъ нее только нѣсколько нескладныхъ звуковъ.

— Ну, что? видишь, не умѣешь.

— Стало быть я не силенъ.

Пастухъ засмѣялся. — Тутъ дѣло не въ силѣ, а въ снаровкѣ. Вотъ смотри. И пастухъ началъ снова играть пѣсню.

— Славно дядя играешь, поучи.

— Ладно, приходи по ранѣе, вотъ я тебя и возму въ науку, только перенимай.

Мальчикъ былъ радъ этому случаю и ни говоря ни слова родителямъ, съ нетерпѣніемъ дожидался вечеромъ ранѣе подготовивъ урокъ, чтобы приняться за новый отъ пастуха. Отпросившись идти за коровушкою Володя отправился въ полѣ и здѣсь взялъ первый урокъ. Съ какой радостью онъ извлекъ первыя звуки изъ простой самодѣльной дудочки и остался вполнѣ доволенъ своимъ началомъ; покрайней мѣрѣ онъ убѣдился, что для того, чтобы играть на духовомъ инструментѣ не нужно силы.

Съ этого дня каждый вечеръ Володя проводилъ съ пастухомъ, изучая музыкальное искусство игры на свирѣли.

Не прошло и полутора мѣсяца, какъ Володя уже зналъ всѣ пѣсни, которые зналъ пастухъ.

— Ну Володя теперь тебя больше и учить не могу, сказалъ добрый пастухъ, сладко играть понялъ, значить, а тамъ прилаживай самъ какую знаешь пѣсню.

Спасибо тебѣ дядя, не забуду твоей услуги говорилъ Володя цѣлуя пастуха. — А не подаришь ли ты мнѣ своей свирѣли?

— Зачѣмъ дарить, я тебѣ сдѣлаю другую.

— Какъ? развѣ ты умѣешь?

— Какъ не умѣть... Приходи завтра, я ее тебѣ изготовлю, сказалъ пастухъ.

Володя явился на слѣдующій день и получилъ отъ пастуха свирѣль.

— Ну, вотъ Володя на ней пѣсенки играй, да обо мнѣ вспоминай.

— Спасибо дядя Матвѣй; не забуду твоей услуги когда буду большой и въ силахъ.

И мальчикъ возвратясь домой припряталъ дорогой подарокъ подалѣ, чтобы не видали родители.

Вскорѣ былъ отецъ именинникъ. Разумѣется именины не обошлись безъ гостей, состоящихъ изъ близкихъ родственниковъ именинника и ихъ маленькихъ дѣтей. Володѣ было это на руку; онъ давно ждалъ съ нетерпѣніемъ этого дня, чтобы изумить отца съ сюрпризомъ, а гостей развеселить.

И въ самомъ дѣлѣ; доставъ свой драгоценный инструментъ, Володя принесъ его въ комнату и спрятавшись отъ гостей за ширмы вдругъ заигралъ какую то народную пѣсню.

Весьма понятно, что гости удивились невидимому музыканту. Отец бросился за ширмы и чрезвычайно был удивленъ, когда въ музыкантѣ узналъ своего девятилѣтняго сына.

— Какъ? что это значить? это ты Володя.

— Я батюшка.

— Да гдѣ же ты чудака научился этому?

— У пастуха, батюшка.

Отецъ вывелъ сына и представилъ обществу. Родственники на перерывъ бросились цѣловать малютку и наконецъ стали просить его сыграть то ту, то другую пѣсню.

Володя вполне довольный своимъ положеніемъ, то есть ролью музыканта сыгралъ предъ ними до сорока разныхъ пѣсенъ и до такой степени удовлетворилъ невзыскательному вкусу родственниковъ, что торжество именинъ отца было чрезвычайно весело, какъ для отца, такъ и для сына. Сынъ торжествовалъ отъ одобреній, которыя были искренны, а отецъ можетъ быть рассчитывалъ на будущіе болѣе блестящіе успѣхи въ сынѣ, тѣмъ болѣе его поразившіе, что они произведены случайно, какъ бы не вдомекъ.

Удовольствіе было всеобщее. Всѣ воображали многое въ девятилѣтнемъ ребенкѣ; оно и было вполне основательно. Девятилѣтній мальчикъ игралъ на свирелѣ, могъ вполне научиться играть одинаково на другомъ духовомъ инструментѣ и быть наконецъ музыкантомъ и даже композиторомъ, и все дѣло слуха.

Отецъ—имянинникъ былъ очень радъ этому сюрпризу, гдѣ его собственное дитя было предметомъ общаго удовольствія, ребенокъ, поразившій слухъ отца — имянинника пріятностью искусства игрою совершенно убилъ право на жительство, потому что всѣ родственники говорили въ одинъ голосъ:

Дитя это пусть у насъ живетъ; оно имѣетъ таланты. Такъ всякій думалъ.

— Ну, Володя ты молодецъ, право молодецъ, сказалъ крестный отецъ.

— Конечно — конечно; можно ли отъ мальчика такихъ лѣтъ ожидать чего нибудь сурьезнаго, а между тѣмъ онъ уже общается говорилъ другой.

Такимъ образомъ Володя обнаружилъ кромѣ успѣховъ въ ученіи и въ искусствѣ способность.

Однажды его играющаго на свирѣли подслушалъ какой-то богатый господинъ самъ страшный охот-

никъ до духовой музыки, то взялся въ свободное время научить его игрѣ на флейтѣ, чему мальчикъ охотно согласился.

Ребенка все занимало и всегда все дѣльное; онъ хорошо умѣлъ исполнять нѣкоторые посильные работы для отца; но отецъ видя въ мальчикѣ успѣхи, не желалъ передавать ему свое мастерство и хотѣлъ его приспособить къ чемунибудь болѣе обезпечивающему въ будущности.

Однажды Володя проходя въ школу, увидѣлъ у кузницы дѣтскую колясочку; онъ остановился, чтобы посмотрѣть на нее, и не безъ зависти думалъ, что есть счастливы, которые имѣютъ возможность ѣздить въ такихъ маленькихъ экипажахъ.

— Что мальчуганъ, нравится? спросилъ кузнецъ, сгибая шину на колесо этой коляски.

— Нравится.

— А у тебя такой нѣтъ?

— Нѣтъ. У меня отецъ небогатъ.

— Да тебѣ и не нужно.... у тебя вонъ книжки за спиною... они тебѣ дороже.

— Это правда дядя.... сказалъ мальчикъ. А это ты что дѣлаешь?

— Это будетъ шина, то есть желѣзная полоса, которой обтягивается ободъ колеса. Вонъ, этотъ самой. Кузнецъ указалъ.

— Для чего же это?

— Чтобы колесо не разсыхалось и не рассыпалось.

— А вотъ я вижу, вы грѣте желѣзо, для чего же это.

— Нагрѣваемъ для того, чтобы желѣзо было мягче, отчего молоткомъ скорѣе можно придать какую угодно форму желѣзу; а также и для того иногда, что желѣзо будучи нагрѣто, расширяется, а по остываніи сжимается; горячее то кольцо наденешь свободно на конецъ, а потомъ, какъ оно остынетъ, такъ и не снимешь.

— Я иногда вижу дядя, вы лошадей подковываете, чай лошади то больно?

— Нѣтъ. Вѣдь мы кузнецы куемъ лошадей вбивая гвозди въ коготь.

— Какъ въ коготь? развѣ есть коготь у лошади.

— А то какже, вонъ посмотри, говорилъ кузнецъ, указывая на близъ стоящую у кузницы телѣгу, въ которой была заложена лошадь, у ней на копытѣ

то ноготь довольно толстый; какъ вобьемъ гвозди, тотчасъ кончикъ загнемъ снаружи у каждаго и вотъ подкова держится.

— А у насъ ногти растутъ и учитель приказываетъ ихъ срѣзывать.

— У лошадей также, имъ мы тоже срѣзываемъ, а лошадь каждый мѣсяцъ перековываемъ.

Такимъ образомъ потолковавъ съ кузнецомъ, Володя поторопился въ школу замѣтивъ то, что онъ слышалъ отъ кузнеца и чего онъ прежде не зналъ.

Впрочемъ желаніе все знать, все перенять, съ каждымъ годомъ становилось сильнѣе и сильнѣе. Когда Володя перешелъ въ послѣдній классъ, и видя что учителя его любятъ, то мало по малу сталъ обращать свои вопросы къ учителямъ, прося объяснить имъ видимое; такъ напримѣръ, онъ спрашивалъ: отъ чего нагрѣтые тѣла расширяются, отъ чего кожа растягивается, а камень—нѣтъ, отъ чего корова постоянно жуесть, а когда перестанетъ то дѣлается нездорова. И многіе другіе вопросы, на которые учителя отвѣчали разумѣется такъ, какъ было можно объяснить, согласно пониманію мальчиковъ.

Ты Черновъ былъ бы славнымъ человѣкомъ по-

лезнымъ не только для себя но и для другихъ, если бы тебѣ продолжать учиться. Сказалъ однажды учитель математики.

Эти слова запали въ душу Володи.

— Чтобы продолжать учиться, думалъ онъ нужно время, а отецъ мой давно меня готовить въ лавку для торговли краснымъ товаромъ. Онъ мнѣ все толкуеть, что въ этой торговлѣ скоро богатыють.

Володя пришелъ домой въ этотъ разъ задумчивымъ и приготовивъ урокъ, отправился къ своему богатому учителю, который ему давалъ уроки на флейтѣ, теперь уже по нотамъ, и передалъ ему слова учителя.

Володя не стеснялся своего новаго друга, который иногда помогалъ въ нуждѣ отцу Володи.

— А развѣ тебѣ хочется учиться далѣе.

— Да хотѣлось бы, но батюшкѣ этого не хочется м. г. Онъ уже усталъ отъ трудовъ и во мнѣ ищетъ себѣ помощника.

Погоди я сдѣлаю это такъ, что отцу твоему не жаль будетъ потеряннаго на ученье времени и ты будешь ему хорошимъ помощникомъ и будешь кор-

мить его и мать. Только хорошенько выдерживай экзаменъ.

Володя окончилъ курсъ въ уѣздномъ училищѣ и своимъ новымъ покровителемъ былъ отданъ въ одно техническое училище въ Москвѣ.

Тутъ открылась вполне для Володи новая жизнь, новое положеніе и съ жадностью поглощая познанія открывалъ каждый день какую либо новость объясняющую то, что прежде было ему задачею.

Черновъ и здѣсь дѣлалъ успѣхи и переходилъ изъ класса въ классъ съ наградами.

Наконецъ, окончивъ курсъ пріѣхалъ домой и бросился въ объятія своихъ родителей и друзей.

Почтенный покровитель, учитель на флейтѣ тоже былъ въ числѣ его друзей, послѣ первыхъ вопросовъ, на которые едва могъ отвѣчать Володя переходившій изъ объятій въ объятія, онъ наконецъ былъ спрошенъ:

— А что Володя, ты не забылъ флейгу?

— Небезпокойтесь Владиміръ Николаичъ, не забылъ, а напротивъ еще находилъ время у одного изъ товарищей давать уроки.

— Прекрасно. Значить ты умѣлъ уже извлечь изъ знаній выгоды.

— А то какже, мой добрый покровитель.

Прошло два три дня и молодой техникъ былъ приглашенъ къ Владиміру Николаевичу.

— Ну вотъ что мой добрый ученикъ; ты всегда слушался моихъ совѣтовъ и я вотъ что придумалъ. Отецъ твой хотѣлъ отдать тебя когда то въ мальчики, для торговли краснымъ товаромъ. Ты бы до сихъ поръ жилъ безъ жалованія, ты же въ это время приобрелъ себѣ знанія и ничего не потерявъ много выигралъ. Я даю тебѣ дѣло совершенно сподручное тебѣ завѣдывать моею фабрикой и двумя мельницами; а на первый годъ жалованія по 100 рублей въ мѣсяцъ, при всемъ готовомъ содержаніи, тамъ ты можешь жить съ родителями.

Молодой человѣкъ бросился благодарить покровителя.

Э! благодари не меня, а Бога и свою свирѣль. Въ самомъ дѣлѣ Володя я думаю ты уже забылъ играть на своей дудочкѣ.

— Кажется еще нѣтъ.

— Въ самомъ дѣлѣ?

— Думаю такъ.

— Хотѣлось бы мнѣ послушать соло.

— Если угодно, то я доставлю возможность съ играть дуеть вмѣстѣ съ моимъ учителемъ.

— И прекрасно.

Володя тотчасъ отправился искать своего стариннаго учителя — пастуха и безъ труда отыскалъ его уже старымъ и сѣдымъ. Старикъ снялъ шапку предъ молодымъ бариномъ, не узнавъ его.

— Что, аль забылъ меня старичекъ.

— Запамятовалъ баринъ.

— Ну а играть на свирѣли забылъ или нѣтъ?

— Гдѣ забыть баринъ. Да на што тебѣ?

— Такъ припомни, что я тотъ самый Володя котораго когда то училъ играть на свирѣли.

И Володя обнялъ старика.

— Бери старичекъ свою свирель и пойдѣмъ со мною.

— Куда это сударь.

— Это я знаю.... Оба пошли къ Владиміру Николаичу, который хорошо принялъ и обласкалъ

старика и съ удовольствіемъ слушаль народные пѣсни на простыхъ свирѣляхъ.

Потомъ слились звуки свирѣли и флейты. Наконецъ музыка прекратилась. Владиміръ Николаичъ далъ старику довольно крупную сумму и оставилъ его при себѣ.

— Ты старикъ получишь отъ меня довольно легкую по силамъ работу въ награду за то, что научилъ Володю музыкѣ.

— Я тоже старикъ не забуду тебя, какъ только буду въ силахъ, сказалъ Володя.

Володя пошелъ очень успѣшно впередъ; родители не могли насмотрѣться на сына и на его успѣхи въ гражданской жизни.

Владиміръ Николаичъ, умирая, какъ бездѣтный, отказалъ своему любимцу Володѣ большую часть изъ имѣнія и Владиміръ Черновъ на тридцатомъ году жизни сдѣлался самостоятельнымъ; а все благодаря свирѣли.

Разумѣется онъ не забывалъ и старика пастуха.

ИЗДАНІЕ
А. И. СТРѢЛЬЦОВА
ВЪ МОСКВѢ .

Лит. А. Стрѣльцова, Покровка, Лялинъ пер. д. Прѣснава.

ЗЛОЙ СЫНЪ.

Въ одномъ городѣ жилъ довольно богатый купецъ, имѣвшій большое семейство. Семья его уважала и любила, сосѣди были съ нимъ хороши и маленькій городокъ, въ которомъ онъ жилъ вообще видѣлъ въ немъ отличнаго гражданина.

По обстановкѣ, которая была въ домѣ, по порядку, которая соблюдалась въ торговлѣ довольно обширной казалось бы нельзя ожидать ничего лучшаго. Но Заборинъ, такъ звали купца, былъ вообще какъ то печаленъ, и постоянно чѣмъ то озабоченъ, несмотря на супругу и дѣтей, которые всячески старались разогнать печаль гнѣтущую Заборина.

Эта постоянная горестъ не могла ускользнуть отъ постороннихъ, которые говорили часто: непонимаемъ; кажется нѣтъ его счастливѣе по дѣламъ и нѣтъ скучнѣе на дѣлѣ. Съ нимъ тяжело бесѣдовать.

Причину скуки Заборина мы сейчасъ объяснимъ, чтобы не мучить нашихъ маленькихъ читателей.

У Заборина было двое дѣтей Коля и Маша.

Однажды дѣти вышли на крыльцо выходящее на улицу, какъ увидѣли бѣднаго старика, который сидѣлъ на камнѣ и стоналъ. Старикъ былъ старъ и повидимому сильно страдалъ.

— Что съ тобою, добрый старичекъ! сказала Маша, отчего ты стонешь?

— Оттого, что я старъ и боленъ дитя мое и нигдѣ не имѣю пристанища, такъ что мнѣ придется ночевать на этомъ камнѣ.

— Какъ и безъ постели, сказалъ Коля.

— Разумѣется, дитя мое, мнѣ и не привыкать къ этому, въ нуждѣ эта постель чаще встрѣчается.

— Ахъ, какъ мнѣ жаль тебя дѣдушка, сказала дѣвочка.

— Однакоже дѣдушка, тебѣ надобно чегонибудь поѣсть, прежде чѣмъ ляжешь спать на этомъ жесткомъ камнѣ сказалъ Коля.

— Я дѣти уже ѣлъ утромъ.

— Какъ, только утромъ и послѣ ничего не ѣлъ?

Старикъ на это промолчалъ.

Маша отошла съ братомъ въ сторону и сказала:

— Ахъ какъ бы я была рада если бы мнѣ позволила мамаша отдать свой ужинъ этому старичку.

— И я также охотно бы отдалъ свой добавилъ братъ. Мнѣ его очень жаль.

Съ этими словами дѣти побѣжали къ матери; по дорогѣ вдругъ что то сообразивъ, дѣвочка остановилась.

Ахъ братецъ, что я вспомнила: хоть намъ и будетъ позволено отдать ему нашъ ужинъ, но онъ бѣдный все же долженъ ночевать на этомъ камнѣ.

Такъ будемъ просить маменьку, чтобы она взяла его въ домъ. Ты знаешь она добра и всегда готова сдѣлать то, что только въ ея силахъ.

Дѣйствительно мать не только не позволила, но даже, обнявъ дѣтей имъ сказала:

— У меня дѣти найдется и безъ вашего ужина, чѣмъ накормить старичка. Введите его.

Старикъ былъ введенъ въ комнату дѣтьми, которые ввели его подъ руки и Заборина приказала старичку подать ужинать. Старикъ заплакалъ.

— Ахъ добрая хозяйшка, какъ вамъ должно быть пріятно имѣть такихъ прекрасныхъ дѣтей. Дай же Господи, чтобы сердца ихъ остались такими же на всегда.

— Я надѣюсь, отвѣчала Заборина.

— Я также питалъ такую надежду; но увы мнѣ въ удѣлъ осталась печаль и бѣдность.

Какъ? неужели ты обиженъ дѣтьми.

— Да и если позволите, то я въ назиданіе вашимъ дѣтямъ расскажу эту исторію, и этимъ заплачу за вашъ ужинъ.

— Расскажи дѣдушка! это намъ будетъ очень пріятно.

К О Н Е Ц Ъ .